

«Я уже уведомил адмирала и обоих молодых господ; они мчатся обратно в центральный район на полной скорости. Пусть больница немедленно вызовет лучших врачей из всех отделений, чтобы они были наготове, и обеспечит подготовку операционной до прибытия скорой помощи. Со стороны больницы не должно быть никаких ошибок!»

«Скорая помощь должна прибыть в течение пяти минут — где Рой?! Попросите местную полицию оказать содействие, перекрыть перекрестки и расчистить маршрут. Я не хочу видеть ни одного красного светофора по пути! Если будет даже секундная задержка, все за это заплатят!»

Скорая помощь была забита врачами. Какофония мужских и женских голосов, смешанная с хаотичным движением на улице, звучала приглушенно, как будто ее слышали сквозь воду. Единственные звуки, которые Ши Цзянь мог ясно различить, были его собственное быстрое, тяжелое дыхание и сердцебиение, каждый удар которого был тяжелее предыдущего.

Лежа на спине, его ограниченное зрение показывало только размытые фигуры, суetyщиеся вокруг него в безумном, похожем на немое кино прошлого века стиле.

Единственным более или менее четким образом был его адъютант, сжимавший его руку с белыми костяшками, с выражением лица, более паническим, чем когда-либо. Тем не менее, его голос оставался удивительно ровным, выдавая лишь легкое дрожание, когда он отвечал на звонки с нескольких телефонов, успокаивал паникующего молодого господина и помогал медицинскому персоналу с первыми мерами. Он казался более напуганным тем, что может случиться с человеком на носилках, чем собственной смертью.

Мигающие красные огни медицинских приборов издавали резкие, пронзительные сигналы тревоги. Фигуры адъютанта и медицинского персонала постепенно переплетались, на их лицах отразились одинаковые тревога и страх, в глазах читалось беспокойство.

Ши Цзянь скрутился на носилках, его кожа горела, как будто он был вареной креветкой. Дрожа, он пытался вспомнить, что произошло, прежде чем он потерял сознание. Все, что он помнил, — это то, что он закончил последний экзамен и отправился праздновать предстоящий восемнадцатый день рождения Лэй Ю. Он шел по знакомой дороге, как обычно, когда внезапно потерял все ощущения, а затем проснулся от мучительной боли, которая казалась ему, будто его железа разрывается на части. Сначала ему заткнули рот полотенцем, чтобы он не прикусил язык, а затем дали обезболивающие и снотворное, которые оказались неэффективными. Затем пришлось прибегнуть к морфию, но его действие длилось всего несколько минут.

После взвешивания рисков адъютант остановил врачей от дальнейших инъекций. Чтобы Ши Цзянь не навредил себе в бреду, были вызваны четыре телохранителя Альфа класса В, чтобы удержать яростно сопротивляющегося человека на экстренной койке. По логике, боль такой интенсивности должна была бы вызвать у любого человека шок — естественную реакцию

организма на самосохранение. Но Ши Цзянь, тогда еще Омега класса S, был невосприимчив ко всем обезболивающим средствам из-за своего высокого статуса и был вынужден сознательно терпеть разрыв и разрушение своих еще развивающихся железистых клеток.

Его сетчатка опухла и наполнилась кровью, и он увидел огромные просторы неба, окрашенные в красный цвет кровью, осколками и крупными частицами пустоши, парящими в воздухе, и бесконечную равнину выжженной земли. Он ясно понимал, что это не галлюцинация, а то, что он действительно видит. Когда он уставился прямо на кроваво-красное заходящее солнце, в его ушах раздались бесчисленные голоса — мужчин, женщин, стариков, детей — шепот, крики и знакомое бормотание «Сяо Цзянь». Мужчина держал его в своих объятиях, шепча что-то. Он даже слышал, как ветер разговаривает с листьями и как общаются колонии муравьев.

Затем в одно мгновение все стихло. Ветер утих, деревья замерли, муравьи исчезли. Ум Ши Цзяня наполнился хаотичными, беспорядочными фрагментами, которых было слишком много, чтобы их вместить. Его мысли казались неровно перемешанными палкой, а воспоминания разбились на разрозненные кусочки.

Фрагменты изображений мелькали перед глазами Ши Цзяня. Внезапно три ослепительных белых света заставили его заплакать, когда несколько рук с блестящими серебряными ножами приблизились к нему. Его спутанные мысли не позволяли ему понять, кто он такой, и он не мог пошевелиться. Он знал только, что у него болит голова, тело сотрясается судорогами, а пот стекает по его одежде, прилипая к нему, как пищевая пленка.

Его разрушенная железа зажгла огонь, который распространился на его внутренние органы, даже заставив его кровеносные сосуды, казалось, закипеть. Тем не менее, его окружение было ледяным, как ледяной погреб, и его поры чувствовали ледяной холод, исходящий изнутри.

Ши Цзянь думал, что он сжигает себя в ледяной воде. Он пытался вырваться, но его тело было онемевшим и тяжелым — в резком контрасте с его хаотичной, но невесомой душой.

Он не мог вспомнить, когда ему наконец удалось закрыть глаза, сбежав от жгучей боли, в сто раз худшей, чем смерть. Погружаясь в безграничную тьму, он подумал, что наконец умер, и больше не нужно терпеть такие мучения, и на его губах появилась улыбка облегчения.

Но Ши Цзянь остался жив и жил хорошо.

Это была всего лишь неожиданная вторичная дифференциация, лишившая его превосходных генов, но не унесшая его жизнь. Боль, проникающая до костей, была лишь побочным эффектом аномалии, вероятность которого одинакова для всех. Ши Цзяню просто не повезло.

После операции Ши Цзянь остался в военном госпитале центрального района для восстановления. Лучшие эксперты Федерации в области биологии желез собрались там, неустанно работая над смягчением последствий.

«Как вторичная дифференциация могла произойти так рано? В генетических записях семьи нет прецедентов, нет истории врожденных заболеваний желез у прямых или коллатеральных родственников, нет и предшествующей истории повреждения желез. По логике, это не должно быть возможно... Это не имеет смысла...»

«Мы уже выделили 10 000 кубических сантиметров экстракта феромона Омега класса А и выше из главного хранилища центрального района. Давайте попробуем сделать все возможное, чтобы обратить вспять результат дифференциации».

«Вздых, все еще без эффекта. Даже резервы из Девятого военного округа были привезены, и мы уже перелили 20 000 кубических сантиметров. Почему нет никакого эффекта? Даже если он не достигнет прогнозируемого класса S, по крайней мере, это не должно быть... это...»

Исчерпав все доступные методы без успеха, эксперты были вынуждены объявить, что Ши Цзянь завершил вторичную дифференциацию, превратившись из прогнозируемого омеги класса S в альфу класса E.

Причина была неизвестна, а результат необратим.

«Альфа класса E? Вы шутите?! Как у семьи Ши могли появиться гены дифференциации класса E?!» После первоначального гнева Вэнь Юань пробормотал в замешательстве: «Нет, он не может быть Альфой, он не может быть Альфой... Как он может быть Альфой!»

Ши Сюй остался спокоен.

«Понятно. Спасибо за ваши усилия».

«Подготовьте его к выписке».

«Удалите всех телохранителей Альфа из дома и замените их на Бета».

«С этого момента, пока Сяо Цзянь не научится контролировать свои феромоны, он не должен контактировать с Альфа высокого класса. Это касается всех вас. Не усугубляйте ситуацию».

«Ши Сюй будет недоступен некоторое время. Вэнь Юань, хорошо обучай своего брата».

Ши Цанфэн тщательно все организовал.

Ши Цзянь в тот момент полусидел на больничной койке, крепко сжимая одеяло. Вены и кости на его худых, узких руках резко выступали, покрытые тонкой, бледной кожей, которая свидетельствовала о недавней тяжелой болезни.

Большинство старейшин и близких друзей из его семьи и их давних знакомых были высокопоставленными Альфами, поэтому им было неудобно навещать его лично. Вместо этого они выражали свою заботу через видеозвонки.

«Ах, как же этот ребенок... Какая жалость».

«Действительно. Старший сын в Высшем Сенате, а Вэнь Юань — приемный. Семья Ши рассчитывала, что он займет его место... Теперь ему будет трудно утвердиться».

«Я восхищаюсь тем, как он ведет себя, будто ничего не произошло. Если бы я за одну ночь превратился из Омеги класса S в Альфу класса E, я бы точно не смог справиться с таким разрывом. Лучше бы я умер».

«Бедняга...»

«Какая жалость...»

К тому времени, когда регистратор тоже посмотрел на него с сожалением, прошло более двух месяцев и десяти дней с момента инцидента.

И теперь Муи Е снова заговорил об этом перед десятками людей.

В тот момент, когда слова сорвались с его губ, даже те, кто дремал, вздрогнули и проснулись. Все глаза в классе устремились на Ши Цзяня.

В комнате воцарилась тяжелая тишина, нарушаемая лишь приглушенным гудением кондиционера снаружи, тепло которого проникало через окна вместе с солнечным светом.

Ши Цзянь тихо сидел за своей партой, в течение нескольких мгновений переживая все, что с ним произошло со времени вторичной дифференциации, как будто смотря слайд-шоу.

Он действительно думал, что почти все забыл...

Разве не существует теория о механизме защиты от абстиненции, согласно которой организм активно защищает себя после переживания сильной боли, а мозг подсознательно избегает и забывает этот опыт?

Но Ши Цзянь понял, что он является исключением из этого механизма. Хаотичные мысли и фрагментарные воспоминания появились только в ту ночь. С тех пор и до сих пор его память оставалась ясной, как прожилки на листе, он помнил каждую мелочь, даже кто что сказал и какие выражения были на их лицах, когда они это говорили.

Жалость, сочувствие, сожаление, сострадание... Столько эмоций.

Ни одна из них не была нужна Ши Цзяню, но добрые люди всегда дарили их ему, как будто предлагали еду бездомной кошке по дороге домой с работы.

Но бездомные кошки могут ловить мышей, чтобы наполнить свои животы.

Муй Е стал немного нетерпеливым, его грызло необъяснимое беспокойство. Он раздраженно листал свой план урока, собираясь вызвать кого-то другого, когда вдруг тишину прорезал скрип стула, тянущегося по полу. Худощавый молодой человек встал, выпрямив спину, и бросил длинную тонкую тень.

Муй Е замер.

Голос Ши Цзяня был слегка охрипшим, как у подростка, у которого только что изменился голос, но он был чистым и прохладным, как ледяная вода.

С легкой, сдержанной улыбкой он спокойно сказал: «Докладываю, инструктор. Моя вторичная дифференциация привела к получению оценки Альфы ранга Е. У меня нет пробужденных способностей. Когда я вошел в систему учета населения, всплывшее окно предложило мне подать заявление на получение сертификата о легкой инвалидности в управление по гражданским делам, чтобы получать федеральные субсидии. Я не знаю, почему Первая военная академия оставила такого неквалифицированного студента, как я. Возможно, в военной академии тоже есть квоты на поддержку инвалидов Альфа?»

Он без колебаний раскрыл свой секрет, говоря о своем статусе Альфа класса Е так же спокойно, как будто обсуждал академическую теорию. Не было ни смущения, ни гнева, ни вспышек эмоций, которых многие ожидали. Его бледно-голубые глаза были как зеркала, отражающие не его собственную слабость или трусость, а извращенные и ненормальные мысли некоторых, ярко выделяя их злобу.

Ши Цзянь уже сам сказал самые жесткие слова, оставив Муй Е надолго безмолвным. Когда он наконец пришел в себя, он жестом пригласил Ши Цзяня сесть, испытывая смешанные чувства.

По правде говоря, в тот момент, когда Ши Цзянь отодвинул стул и встал, Муй Е почувствовал укол сожаления. В конце концов, Ши Цзянь не сделал ничего плохого, став Альфой класса Е — он был просто несчастной жертвой. Импульсивный вопрос Муй Е, рожденный необоснованной фрустрацией, был чрезмерно жестоким.

Даже если Ши Цзянь казался невозмутимым, на самом деле в Первой военной академии, где доминировали элитные Альфы высокого класса, Альфа класса Е столкнулся бы с огромными трудностями — ситуация, которую Муй Е эгоистично усугубил. Как утверждал Ши Цзянь, когда он только прибыл, Муй Е должен был признать, что он действительно злоупотребил своей властью, навязав свои собственные предубеждения этому молодому человеку, которого

он презирал.

<http://bllate.org/book/15712/1405247>